

Определение степени абстрагированности тех или иных грамматических категорий от лексического материала требует большой работы по наблюдению и обобщению фактов. Оно требует и самого пристального внимания к проблеме отличий грамматической абстракции от абстракции логической. Ведь нельзя не учитывать того очевидного факта, что логическая абстракция осуществляется на базе лексического значения слова и выражается в нем; грамматическая же абстракция осуществляется на базе ряда или класса лексических значений и выражается в общности типовых формально-грамматических показателей в словах. И если логическая абстракция развивается в процессе познания действительности, то грамматическая абстракция развивается в процессе речевого общения; логическая абстракция представляет собой отвлечение от предметов и явлений действительности, а грамматическая абстракция — отвлечение от словесных лексических значений; в формировании логических абстракций очень заметна роль личности, хотя и здесь она не является ни определяющей, ни ведущей; в формировании грамматических абстракций роль личности никак не выражена, грамматика всегда была и остается результатом общепородной мыслительной деятельности.

В. П. Головин

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД КАТЕГОРИЕЙ ЛИЦА В ПАМЯТНИКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА СТАРШЕЙ ПОРЫ

Вопрос об употреблении в определенных случаях формы родительного падежа в значении винительного падежа прямого дополнения (*вижу сына, жду Петра*) довольно часто привлекал к себе внимание исследователей.

Этим явлением интересовались специалисты по старославянскому языку, поскольку оно известно старославянским памятникам старшей поры. Историки русского языка неоднократно занимались вопросом об употреблении родительного падежа в значении винительного при изучении генезиса категории одушевленности, возникновение и оформление которой характерно для истории русского языка, поскольку здесь, как известно, складываются своеобразные закономерности ее существования.

При этом следует отметить, что в современных работах и учебных пособиях по истории русского языка в наибольшей степени распространено такое объяснение происхождения категории одушевленности, при котором предпологается, что замена винительного падежа формой родительного первоначально происходила у существительных, обозначающих «общественно полноправных», «свободных» лиц.

Положение о первоначальном развитии родительного-винительного у существительных, обозначающих лиц общественно полноправных, проникло и в программу по исторической грамматике русского языка. Все эти обстоятельства побуждают автора данной заметки еще раз обратиться к памятникам старшего периода русского языка и проследить употребление в них формы родительного падежа в значении винительного, а также и те случаи, где имеется сохранение формы винительного падежа, которая равна именительному у существительных, обозначающих категорию лица. Соответствующий материал, который в дальнейшем подвергается анализу, взят нами главным образом из таких трех памятников, как «Русская Правда» (краткая и пространная редакции), «Поучение Мономаха» и «Слово о полку Игореве»¹, причем из этих памятников полностью извлечены все примеры, относящиеся к изучаемому явлению. Для рассмотрения мы выделяем прежде всего материал, который характеризует употребление существительных, обозначающих лиц мужского рода в единственном числе.

1. Употребление в качестве прямого дополнения форм существительных, которые безусловно обозначают социально неполноправных лиц, т. е. таких, как *холоп, смерд, челядин, закуп* (наемный работник).

Из числа подобных существительных слово *холоп* представлено в «Русской Правде» и в форме винительного падежа равной родительному (три случая), и в форме винительного равной именительному падежу (шесть случаев):

«Аже кто кренеть чюишь *холоп* не ведая, то первому господину *холоп* поняти...» (статья 118, стр. 733).

¹ «Правда русская». II — Комментарий, под ред. Б. Д. Грекова, М.—Л., 1947 (Ин-т истории АН СССР); «Поучение Мономаха» и «Письмо Мономаха Олегу Святославичу» — в кн.: А. С. Орлов, Владимир Мономах, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946; «Слово о полку Игореве», под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950.

«Аже кто переиметь *чюжь холоп* и дасть весть господину его, то имати ему переем гривна» (статья 113, стр. 718).

«А оже уведеть *чюжь холоп* любо робу, платити ему за обиду 12 гривен» (статья 29, стр. 189).

«Аже кто не ведаю *чюжь холоп* усярчить п...» (статья 115, стр. 724).

«А в холопе и в робе виры нетуть; по оже будеть без вины убиен, то за *холоп* урок платити или за робу, а князю 12 гривен продаже» (статья 89, стр. 606).

«...а дасть ему хлеба или укажеть ему путь, то платити ему за *холоп* 5 гривн...» (статья 112, стр. 716).

«А послушства на *холопа* не складають, но оже не будеть свободного, то по нужи сложити на боярьска *тивуна*..., а в мале тяже по нужи възложити на *закупа*» (статья 66, стр. 542).

«Аже пустити *холопа* в торг, а одолжаеть, то выкупати его господину...» (статья 117, стр. 730).

«...а бежитъ в хором, а господин начнетъ не дати его, то *холопа* пояти да платитъ господин за нь...» (статья 17, стр. 112).

Форма старого винительного падежа у слова *холоп* сохраняется, как показывают приведенные примеры, в тех случаях, когда оно стоит с определяющим его словом, выраженным прилагательным *чюжь* и с предлогом *за*, форма же родительного падежа в значении винительного представлена в трех приведенных случаях: а) при предложении *на*, б) в положении непосредственно после глагольного сказуемого, в) при явной инверсии, в результате которой дополнение оказывается перед сказуемым.

Слово *закуп* встретилось в памятнике в трех случаях и только в форме родительного падежа:

«Продасть ли господин *закупа* обель, то нанмиту свобода по всем кунам...» (статья 61, стр. 520).

«Аже господина переобидеть *закупа*, а увидить купу его или отарицу, то то ему все воротити...» (статья 59, стр. 506).

«...а в мале тяже по нужи възложити на *закупа*» (статья 66, стр. 542).

В двух первых примерах только употреблением формы родительного падежа достигается грамматическое различие между словами *господин* (подлежащее) и *закуп* (дополнение). В третьем случае слово *закуп* в форме родительного падежа находится после предлога *на*.

Существительное *челядин* также употреблено в «Русской Правде» как в старой форме винительного падежа равной именительному, так и в форме родительного падежа в значении прямого объекта.

«...то изымати ему *свои челядин*...» (статья 11, стр. 87).

«...вдан ты мне *свои челядин*...» (статья 16, стр. 110).

«Аще кто *челядин* пояти хоцеть, познав свои...» (статья 16, стр. 110).

«Аще познаеть кто *челядин* свои украден, а поиметь и, то оному вести и по кунам до 3-го свода: пояти же *челядина* в челядин место...» (статья 38, стр. 381).

«...а кде будеть конечнии тать, то опять воротять *челядина*, а свои поиметь и протор тому же платити...» (статья 38, стр. 381).

Форму винительного падежа равную именительному у этого существительного видим при определении, выраженном местоимением *свои*; сочетание с определяющим словом и здесь, очевидно, способствует сохранению старой формы винительного падежа. Форму родительного падежа видим опять-таки при сказуемом, выраженном глаголом.

Имеются в «Русской Правде» и два примера со словом *смерд*.

«Аще смерд мучить *смерда* без княжа слова, то 3 гривны продаж... аже огнищанина мучить, то 12 гривен продаже...» (статья 78, стр. 574).

«Или *смерд* умучать, а без княжа слова...» (статья 33, стр. 198).

В первом случае форма родительного падежа создает особое грамматическое оформление объекта в отличие от субъекта, тоже выраженного существитель-

ным *смерѣ*. Во втором случае это же слово в значении прямого дополнения стоит перед сказуемым и сохраняет форму винительного падежа равную именительному.

Таким образом, мы видим, что из двенадцати встретившихся в памятнике случаев употребления существительных, обозначающих лиц социально неполноправных, девять имеют форму родительного падежа в значении винительного. При этом следует отметить наличие этой формы в случаях, когда употреблением ее достигается различие в грамматическом выражении объекта и субъекта, нередко к тому же стоявших непосредственно рядом друг с другом.

По отношению к остальным случаям употребления родительного падежа явно имеется возможность предположить, что в данном контексте на прямое дополнение падало логическое ударение.

2. Употребление в качестве прямого дополнения форм существительных, которые обозначают категорию лиц, принадлежащих к богатым и политически влиятельным слоям общества, т. е. таких, как князь, его родственники (*брат*, *сын* со значением «брат князя», «сын князя»), должностные лица, приближенные к князю, богатые купцы — *гости* и т. п.

Винительный равный именительному от существительного *князь* и от слов, обозначающих родственников князя, не встретился:

«Ту нѣмци и венеципи, ту греци и морава поют славу Святъславлю, кають князя *Игоря*...» («Слово о полку Игореве», стр. 18).

«Игорь плъкы заворочаетъ: жаль бо ему мила *брата Всеволода*» (там же, стр. 16).

«Игорь ждетъ мила *брата Всеволода*» (там же, стр. 11).

«Съ тоя же Каялы Святоплъкъ повелѣ яти *отца* своего между угорскими иноходьци ко святѣй Софии къ Киеву» (там же, стр. 15—16).

«Послушах *сына* своего, написах ти грамоту...» («Письмо Мономаха Олегу...», стр. 156).

Существительные, обозначающие должностных лиц, отмечены в роли прямого дополнения как в форме родительного падежа (шесть случаев), так и в форме винительного (два случая):

«...Аше убьють *огнищанина* в обиду, то платити за нь 80 гривен убищи...» («Правда Русская», статья 19, стр. 132).

«...аже *огнищанина* мучить, то 12 гривен продаже...» (там же, статья 78, стр. 574).

«Аже убьют *огнищанина* у клети, или у коня, или у говяда... то убить в пса место...» (там же, статья 21, стр. 154).

«А иже убьют *огнищанина* в разбои...» (там же, статья 20, стр. 148).

«О убийстве. Аже кто убьет *князя мужа* в разбои...» (там же, статья 3, стр. 255).

«А за *тивун* за огнищныи и за конюшныи, то 80 гривен...» (там же, статья 12, стр. 309).

«...но по нужи сложити на *боярьска тивуна*...» (там же, статья 66, стр. 542).

«Аже кто своего холопа сам досочиться в чьемъ любо городе, а будет посадник не ведал его, то, поведавше ему, пояти же ему *отрок* от него, и шедше увязати и...» (там же, статья 114, стр. 720).

«Куда же поидете, иде же станете — напойте, накормите убога и странна, и боле же чтите *гость*...» («Поучение Мономаха», стр. 138).

От существительного *тивун* старая форма винительного падежа представлена с предлогом *за*, а форма, совпадающая с родительным падежом, с предлогом *на*. Слова *отрок* и *гость* в значении прямого объекта отмечены лишь в форме винительного падежа равной именительному.

К числу существительных, обозначающих социально полноправных лиц, безусловно следует отнести существительное *муж* (в значении «свободный человек»). Из пяти примеров, встретившихся в наших памятниках, в четырех случаях это слово в значе-

нии прямого объекта употреблено в форме родительного падежа и в одном случае — в форме винительного, равной именительному:

«Аще ли ринеть мужь *мужа* любо от себе любо к себе...» («Правда Русская», статья 10, стр. 82).

«Убьеть мужь *мужа*, то мстить брату брата...» (там же, статья 1, стр. 15).

«Аче поухнеть мужь *мужа* любо к себе ли от себе...» (там же, статья 31, стр. 356).

«А се аже холоп ударить *свободна мужа*, а убежить в хором, а господин его не выдасть, то...» (там же, статья 65, стр. 535).

«Прислать ко мнѣ *мужь свой* и грамоту, река:...» («Письмо Мономаха Олегу...», стр. 156).

В трех случаях употребления родительного падежа объект и субъект выражены одним и тем же существительным и стоят рядом друг с другом. Прямое дополнение *мужь* снова отмечаем при местоимении *свой*.

При определении *свой* находится и прямое дополнение *солъ* со значением «посол», отмеченное в единственном примере в форме винительного равного именительному:

«Да еже начнеши каятися богу, и мнѣ добро сердце створиши, пославъ *солъ свой*...» (там же, стр. 160).

Приведенный фактический материал показывает, как нам кажется, что и существительные, обозначающие «социально подвоправных лиц» (когда эти существительные употребляются в роли прямого дополнения), встречаются по памятникам далеко не только в форме родительного падежа, но и сохраняют форму винительного падежа равную именительному.

3. Употребление в качестве прямого дополнения существительных, которые должны быть признаны нейтральными с точки зрения социальной оценки, т. е. таких, например, как существительное *человек* в обобщенном значении.

В памятнике «Поучение Мономаха» названное существительное в качестве прямого дополнения представлено только в форме родительного падежа:

«И сему чюду дивуемся, како от персти создавъ *человѣка* ...» («Поучение Мономаха», стр. 134).

«...ти бо мимоходячи прославять *человѣка* по всѣм землям любо добрым любо злымъ» (там же, стр. 138).

«...а не вдавайте сильным погубити *человѣка*» (там же, стр. 136).

Существительное *мужь* (в значении «супруг») представлено в форме винительного равной именительному при предлоге *за* и в форме равной родительному в положении непосредственной близости к глагольному сказуемому.

«Аже жена ворочеться седети, по мужи, а растеряеть добыток и поидеть *за мужь*, то...» («Правда Русская», статья 101, стр. 668).

«...но отдадать ю *за мужь* братия, како си могутъ» (там же, статья 95, стр. 648).

«...а мати им поидеть *за мужь*...» (там же, статья 99, стр. 659).

«...зане нѣсть в ней ни зла ни добра, да быхъ обумимъ оплакать *мужа* ея и...» («Письмо Мономаха Олегу...», стр. 158).

Другие случаи употребления существительных, которые могут быть отнесены к группе нейтральной лексики, оказываются единичными в наших памятниках. Это такие существительные, как *послух* и *видок* (оба — со значением «свидетель»), *иночим* («отчим»), *тать*, *разбойник*, *мытарь*. Приведем примеры их употребления в качестве прямого дополнения.

«Искавше ли *послуха*, не налезуть, а истыця начеть головою клепати, то ти им правду железом» («Правда Русская», статья 21, стр. 335).

«...аще ли не будет на нем знаменья, то привести ему *видок* слово противу слова» (там же, статья 29, стр. 350).

«Будет ли потерял *своего* *шючима* что, а оных отца, а умереть, то взворотить брату...» (там же, статья 105, стр. 683).

«...якож блудницю и *разбойника* и *мштаря* помиловать еси, тако и нас гршних помилуй!» («Поучение Мономах», стр. 136).

«Аже будет росечена земля или знамение, им же ловлено, или сеть, то по верви искати *татя* ли платити продажу» («Правда Русская», статья 70, стр. 549).

«Аще убьют *татя* на своем дворе...» (там же, статья 38, стр. 216).

На основании приведенных примеров можно подчеркнуть употребление формы родительного падежа в значении прямого объекта непосредственно при глагольном сказуемом (за исключением слова *видок*) — положение, где, очевидно, на прямое дополнение падало логическое ударение.

Таким образом, следует прежде всего отметить, что употребление формы родительного падежа в значении прямого объекта имеет значительное распространение и в тех случаях, когда в качестве прямого дополнения выступают существительные, относящиеся к группе нейтральной лексики. На основании всех предшествующих рассуждений можно прийти к следующим выводам:

1. Нет основания считать, что форма родительного падежа в значении прямого объекта прежде всего появилась у существительных, обозначающих общественно активных лиц, в то время как существительные, обозначающие социально неполноправных лиц, продолжали сохранять старую форму винительного падежа.

2. Форма родительного падежа в прямом дополнении у существительных последней группы начала появляться в самый ранний период древнерусского языка, в памятниках XI и XII веков (а не с конца XIII в., как обычно полагают). На это указывают многочисленные факты из «Русской Правды» (краткая и пространная редакции) и из «Поучения Моноха».

3. Фактический материал наших памятников показывает, что форма родительного падежа в значении винительного наличествует не только у существительных, обозначающих социально полноправных лиц, но и у существительных, обозначающих социально неполноправных лиц.

4. Форма винительного падежа равная именительному наличествует у существительных, обозначающих как лиц социально неполноправных, так и лиц социально полноправных. Если бы во всех случаях у существительных, обозначающих социально неполноправных лиц, винительный падеж был равен именительному, а у социально полноправных лиц отсутствовали бы случаи употребления формы винительного падежа равной именительному, то предположение о развитии родительного-винительного падежа прежде всего у лиц общественно полноправных было бы верным. Фактический же материал рассмотренных памятников не подтверждает существующей точки зрения.

5. Исходя из марксистского учения о языке, нельзя связывать появление формы родительного падежа в значении винительного и сохранение формы винительного падежа равной именительному в русском языке с социальной биографией народа — носителя этого языка. Общепринятая точка зрения о появлении родительного-винительного падежа прежде всего у существительных, обозначающих лиц социально полноправных, не имеет под собой оснований и является по существу вульгарно-социологической.

6. Можно полагать, что последовательный процесс замены винительного падежа равного именительному родительным равным винительному у нарицательных существительных, обозначающих лиц с основой на *о*, происходил следующим образом: а) при таком построении фразы, когда субъекты и объект находились по близости или смежности, в особенности при выражении того и другого одним и тем же существительным; б) при особом логическом выделении прямого объекта в предложении, в частности, при наличии инверсии в отношении порядка слов.

Возможно, что винительный падеж равный именительному продолжал сохраняться у этих существительных в том случае, когда существительные стояли с определяющим их словом, например, выраженным местоимением *свой* и прилагательным *чужь*. Из многих примеров с местоимением *свой* лишь в двух случаях прямое дополнение с этим определением стоит в форме родительного падежа.

В рассмотренных памятниках существительные, обозначающие лиц, в винительном падеже с предлогом *на* имеют форму родительного падежа, а с предлогом *за* сохраняют форму винительного падежа равную именительному.